

Издательский дом «Плутон»

Научный юридический журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

УДК 378.001

Международная научная конференция

«Свобода и право»

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ISBN 978-5-9907998-4-4

23 июля 2016

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

23 июля 2016 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-9907998-4-4

Кемерово УДК 378.001. Сборник статей студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам Международной научной конференции «Свобода и право», 23 июля 2016 г. / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Кемерово 2016

В сборнике представлены статьи научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Оглавление

1. ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ПРЕДМЕТА ЗАЛОГА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ.....4
Максимкина Ю.А.
2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ.....8
Батышева Е.В.
3. ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ И ДОГОВОРА ПОДРЯДА.....11
Скибенко Я. Г.
4. ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ СВОБОДЫ.....14
Соловьева Л.С.
5. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОКУПКИ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ.....17
Касулина В.В. Касьянчик А.С.
6. НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ОСНОВЫ ТЕОРИИ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ.....20
Климова М.И.
7. О ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....24
Жезлов Н.В.

Максимкина Ю.А.

Студентка 4 курса Юридического института
Национального исследовательского Томского государственного университета
Maksimkinayulia@yandex.ru

УДК 346.1

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ПРЕДМЕТА ЗАЛОГА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Одним из приоритетных направлений ипотечного кредитования на сегодняшний день является залог земельных участков. Сегодня экономика страны переживает кризис, поэтому проблемы ипотечного кредитования приобретают еще больший интерес. Повышение ставок по кредитам, тяжелые условия для заемщиков, сокращение дохода строительных компаний создают неблагоприятные условия для ипотеки. Но все же без ипотеки на рынке недвижимости невозможно.

Федеральным законом от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» определен исключительный перечень объектов недвижимости, которые могут являться предметом залога. Одним из таких объектов выступает земельный участок, права на который зарегистрированы в порядке, установленном ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Однако для того чтобы земельный участок мог являться потенциально возможным предметом ипотеки, он должен соответствовать ряду признаков.

Первым признаком земельного участка является его индивидуализированность, то есть, установление границ земельного участка, присвоение ему кадастрового номера, что позволяет четко определить его местоположение и размер, что будет свидетельствовать о земельном участке как о потенциальном предмете залога.

Вторым признаком, исходя из естественного происхождения, особой ценности земельного участка, выступает оборотоспособность. Так, в соответствии с п. 1 ст. 62 ФЗ от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[1] по договору об ипотеке могут быть заложены земельные участки постольку, поскольку соответствующие земли на основании федерального закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте. Заложённый земельный участок не может находиться, например, на территории Закрытого административно-территориального образования, на что прямо указывает п.1 ст. 3 Федерального Закона «О закрытом административно-территориальном образовании»[2], устанавливая ограничения на право владения, пользования, распоряжения недвижимым имуществом, вытекающие из ограничений на въезд и / или постоянное проживание;

Третьим признаком выступает отсутствие запретов на залог земельного участка. В частности, федеральным законодательством установлен ряд случаев, когда залог земельного участка не допускается.

1. Не допускается залог земельного участка, невыделенного в натуре из земель, находящихся в общей долевой или совместной собственности. Так, Ленинским районным судом города Барнаула было рассмотрено дело № 2-424/2011 г. о признании недействительности дополнительного соглашения к кредитному договору и договору ипотеки. При этом, Обществу по дополнительному соглашению к договору ипотеки была передана в залог доля земельного участка, которая в натуре не выделялась. Суд, учитывая несоответствие данных действий требованиям закона, признал такую сделку недействительной в силу ничтожности.

2. Не допускается ипотека земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, за исключением земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, если такие земельные участки предназначены для жилищного строительства или для комплексного освоения в целях жилищного строительства и передаются в обеспечение возврата кредита, предоставленного кредитной организацией на обустройство данных земельных участков посредством строительства объектов инженерной инфраструктуры (п. 1. ст. 63, п. 1. ст. 62 Закона об ипотеке).

В настоящее время, ряд авторов (Ленкин С.Н., Козлова С.В.)^[4,54] ведут дискуссию относительно снятия запрета залога на определенные категории земель, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. При этом они предлагают создание на уровне субъектов и муниципальных образований Земельного залогового фонда (далее ЗЗФ), который бы являлся эффективным средством ипотечного обеспечения ценных бумаг городов и районов России посредством использования имущества (в основном земель), вложенного в уставный капитал. На сегодняшний день, ЗЗФ получил свое развитие и довольно активно используется, например, в Воронежской области как антикризисная мера для привлечения инвестиций в экономику района, создания рабочих мест и повышения ликвидности земельных участков.

3. Не допускается ипотека части земельного участка, площадь которого меньше минимального размера, установленного нормативными актами субъектов РФ и органами местного самоуправления для земель различного целевого назначения и разрешенного использования. Обращаясь к этой теме, А.В. Фиошин указывает, что практически ипотека части земельного участка невозможна, так как «для того чтобы ее заложить, ее необходимо индивидуализировать. Процесс индивидуализации включает в себя межевание (установление границ на местности), постановку на кадастровый учет (присвоение кадастрового номера) и, наконец, регистрацию в органах государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (завершающим этапом которой является выдача свидетельства о государственной регистрации права собственности)».^[5,15] Судебно-арбитражная практика идет по тому же пути, не выделяя в качестве самостоятельного объекта недвижимости часть земельного участка.^[6] Между тем, М.Г. Пискуновой было высказано совершенно диаметрально противоположное мнение. Автор полагает, что собственник земельного участка вправе заложить не весь участок, а только его часть. Для этого нужно надлежащим образом сформировать и отразить на кадастровом плане всего земельного участка его часть с указанием площади, места расположения и учетного кадастрового номера, что будет соответствовать критерию индивидуально определенной вещи. Однако при отчуждении земельного участка в случае обращения на него взыскания, часть земельного участка должна быть сформирована как самостоятельный участок путем выделения (разделения).^[7] Думается, что данная позиция не совсем верна, так как законодатель одним из обязательных признаков предмета ипотеки называет возможность обращения взыскания на имущество, в случае неисполнения обязательства (п.2 ст.6 Закона об ипотеке). Исходя из этого, часть земельного участка не может быть предметом договора ипотеки без соответствующей индивидуализации, после которой она станет не чем иным, как самостоятельным объектом права - земельным участком.

Земельный участок, соответствующий требованиям надлежащего предмета ипотеки должен иметь цену. В случае если в нормативном правовом акте, содержащем требование обязательного проведения оценки какого-либо объекта оценки, либо в договоре об оценке объекта оценки не определен конкретный вид стоимости объекта оценки, установлению подлежит рыночная стоимость данного объекта (ст. 7 ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации"). На сегодняшний день в практической деятельности возникают проблемы относительно обязательности установления в договоре

ипотечного кредитования независимой оценки земельного участка, передаваемого в залог. В соответствии с п.2 ст. 67 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» залоговая стоимость земельного участка устанавливается по соглашению залогодателя с залогодержателем и указывается в договоре об ипотеке в денежном выражении. Как отмечается в п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 №26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге»[8] при наличии спора между залогодателем и залогодержателем начальная продажная цена заложенного имущества устанавливается судом исходя из рыночной цены этого имущества. Данное положение свидетельствует о том, что если нет спора между контрагентами, то земельный участок, являющийся предметом залога, может быть оценен договаривающимися сторонами самостоятельно. Арбитражным судом Московского округа было рассмотрено дело об обращении взыскания на заложенное по договору об ипотеке имущество. Суд, исследовав материалы дела, пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для признания указанного договора незаключенным, поскольку оценка предмета залога по договору об ипотеке (залоге недвижимого имущества) была установлена по соглашению сторон, что соответствует требованиям п. 3 ст. 9 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», в том числе и п. 2 ст. 6, в силу которого договор заключен его сторонами в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и зарегистрирован Управлением Федеральной регистрационной службы по Московской области.

Отличительной особенностью залога земельного участка при заключении договора ипотеки является яркое проявление принципа единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов, согласно которому все прочно связанные с земельным участком объекты следуют правовой судьбе земельных участков, за исключением случаев установленных федеральными законами. В силу ст. 69 ФЗ от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[9] ипотека здания допускается только с одновременной ипотекой по тому же договору земельного участка, на котором находится здание. Таким образом, реализация принципа единства судьбы обусловлена неразрывностью в использовании таких объектов права как земельный участок и зданий, строений, сооружений, находящихся на нем, а также удобство при обращении взыскания в случае неисполнения обязательств должника, обеспеченных ипотекой.

Несмотря на то, что при заключении договора ипотечного кредитования, залогодатель не может без согласия залогодержателя определять судьбу земельного участка, он не освобождается от обязанностей по использованию земельного участка, в т. ч. осуществлять мероприятия по охране земель, не допускать загрязнение и истощение почв.

В заключение, хотелось бы отметить, что соблюдение всех условий, предъявляемых к залому земельного участка, позволит обезопасить участников гражданского оборота, а также гарантировать беспрепятственную регистрацию договора и отсутствие оснований для признания его недействительным в судебном порядке в будущем.

Библиографический список:

1. Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
2. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 20 августа 1992 г., № 33, ст. 1915.
3. Сайт Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского Края <http://leninsky.alt.sudrf.ru/> (дата обращения 01.03.2016).
4. Козлова С.В. Земельная ипотека в России: анализ современной ситуации и потенциальных возможностей // Имущественные отношения в РФ. 2006. № 5. С. 53 - 63.
5. Фиошин А.В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования ипотеки земельных участков // Юрист. 2012. № 3. С. 14-17

6. Решение Арбитражного суда Московской области от 10 мая 2007 г. по делу № А41-К2-4679/07 // Справочная правовая система "КонсультантПлюс", Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26 января 2004 г. N А11-1/2003-К1-1/33 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 2
7. Пискунова М.Г. Делимость земельных участков // Бизнес-адвокат. 2003. № 10. С. 14.
8. Вестник ВАС РФ. 1998. № 3.
9. Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

Батыщева Елена Валерьевна,
преподаватель кафедры административной
деятельности и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России

УДК 34.01

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация: Актуальность вопроса правомерного использования сотрудниками органов внутренних дел табельного огнестрельного оружия при исполнении служебных полномочий очень велика. Для выполнения профессиональных и должностных обязанностей по обеспечению безопасности граждан, иных лиц и общества в целом действующие нормативно-правовые акты наделили полицейских правами по применению мер государственного принуждения. Применяя служебное оружие в соответствии с законом, сотрудники полиции осуществляют защиту законных прав и интересов правопорядочных граждан и сотрудников полиции от общественно опасных преступных посягательств со стороны лиц, умышленно нарушающих законодательство РФ.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правоохранительные органы, органы полиции, огнестрельное оружие, принципы деятельности полиции при применении огнестрельного оружия.

Использование огнестрельного оружия всегда сопровождается опасностью развивающихся событий, например, полицейский может немного промедлить с применением оружия и последствия в связи с этим могут наступить различного рода, вплоть до смерти гражданина или сотрудника полиции.

На сегодняшний день сотрудники ОВД осуществляют служебную деятельность в очень опасной обстановке, которая прежде всего характеризуется высокой степенью общественной опасности преступных посягательств, активной деятельности преступных элементов в отношении сил защиты правопорядка, усилением агрессивности и жестокости преступлений. В связи с этим значительно увеличилось количество случаев применения сотрудниками полиции табельного огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей. Одним из наиболее распространенных случаев применения огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей являются случаи, указанные в главе 8 Уголовного кодекса РФ. [1, с. 69] В связи с вышеизложенным исследование правомерности применения табельного огнестрельного оружия и необходимость внесения изменений в законодательство о применении оружия является актуальной темой.

Огнестрельное оружие применяется сотрудниками полиции только в соответствии с законодательством РФ. При этом полицейские имеют право применять оружие лишь тогда, когда существует необходимость в обеспечении немедленной реакции на совершаемые общественно опасные действия, которые носят как правило противоправный характер.

Теория и практика, выделяют такие обстоятельства как крайняя необходимость, причинение вреда лицу, совершившему преступление при его задержании, обоснованный риск. Материалы служебных проверок по фактам применения огнестрельного оружия сотрудниками ОВД обычно свидетельствуют о легитимности действий при выполнении служебных обязанностей. Но как показывает статистика не все случаи применения табельного оружия можно урегулировать как законные, посредством нормативно-правовых актов. В связи с существующими трудностями нормативной трактовки оснований применения табельного оружия при выполнении служебных обязанностей органами следствия зачастую возбуждаются уголовные дела в отношении сотрудников правоохранительных органов по факту превышения должностных полномочий. Обновление законодательства, регламентирующего основания и порядок применения огнестрельного оружия сотрудником полиции лично либо в составе подразделения, хотя и внесло определенную точность, но не смогло снять все возникающие научные и практические проблемы, в особенности, связанные с обеспечением правовой защиты сотрудников полиции.

Существующие сложности отсутствия правовой регламентации не в состоянии обеспечить и действующее Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», которое представляет правоприменителю только содержание условий правомерности при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, регламентированных ст. 37 и 38 УК РФ. [2, с. 34]

Статья 23 Федерального Закона «О полиции» от 07.02.2011 года № 3 ФЗ и глава 8 УК РФ не в состоянии законодательно урегулировать условия правомерности действий сотрудников полиции при выполнении возложенных на них должностных обязанностей, что к огромному сожалению и приводит к гибели сотрудников полиции и их осуждения по фактам превышения пределов правомерности применения огнестрельного оружия. [3, с. 43]

В связи с этим хотелось бы отметить общие и специальные положения Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка при применении табельного огнестрельного оружия [4, с. 89]. В отличие от национального законодательства России должностные лица иностранного государства имеют полное право применять оружие при следующих обстоятельствах, в частности:

1. При отражении общественно опасного посягательства, угрожающего причинением вреда здоровью, которое трудно конкретизировать (определить или предугадать).

2. При отражении общественно опасного посягательства, угрожающего половой свободе.

3. При похищении человека.

4. При отражении нападения на любое транспортное средство.

5. При отражении нападения женщины (или группы женщин), применяющей приемы рукопашного боя.

6. При отражении нападения несовершеннолетнего (или группы несовершеннолетних), в совершенстве владеющего приемами рукопашного боя.

7. При отражении нападения малолетнего, имеющего в руках оружие или взрывное устройство и намеревающегося его использовать. [5, с. 552]

Безусловно, внесение дополнительно указанных обстоятельств в Закон РФ «О полиции» способствовало бы изменению ситуации, позволяющей сотруднику обеспечить гарантии правомерности их действий при выполнении профессиональных обязанностей, при защите прав граждан и условий личной безопасности, однако противоречило бы положениям действующего уголовного законодательства, в части права на необходимую оборону и причинения вреда лицу, совершившему преступление при его задержании. Поэтому положения о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения являются на сегодняшний день единственным законодательно урегулированным основанием правомерности применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции при осуществлении возложенных на них законом обязанностей. [6, с. 192] Служа обществу и защищая всех лиц от противоправных актов в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией, уважая и защищая права человека, сотрудники полиции используют ненасильственные средства. До вынужденного применения огнестрельного оружия доходят только в тех случаях, когда использованные меры являются неэффективными или не дают основание полагать, что намеченный результат может быть достигнут. Угрожая жизни, здоровью и благополучию людей, экономической стабильности, жизнедеятельности общества в целом, преступность является одним из главных источников разрушительного воздействия на процессы социального,

экономического и политического развития страны. Негативные процессы в развитии криминогенной обстановки, прогнозируемый рост количества тяжких преступлений порождают у населения чувство страха за свою жизнь и имущество, снижают доверие к органам власти, к проводимой уголовной политике. По данным опроса, проведенного «Левада-Центром», 77% опрошенных считают, что власти не могут предотвратить тяжкие преступления против личности, т.к. существующая общегосударственная система противодействия носит не предупредительный и упреждающий характер, а только реагирующий. Поэтому необходимо концептуально менять подходы к борьбе с преступностью, которая сегодня возложена исключительно на правоохранительные органы.

В сложившихся условиях органы государственной власти и правоохранительные органы не в полном объеме решают задачи противодействия и удержания преступности на социально допустимом уровне. На деятельность правоохранительных органов продолжают оказывать негативное воздействие низкий уровень оплаты труда сотрудников и непосредственно связанные с этими факторами постоянно возрастающие масштабы коррупции, «вымывания» кадрового состава из государственных органов, снижения профессионализма и результативности работы сотрудников полиции. Отсутствие недоработанности законодательного урегулирования вопросов применения огнестрельного оружия зачастую порождают чувство неуверенности сотрудника полиции в правомерности своих действий, а промедление в принятии решения на применение табельного оружия. Это ведет к падению авторитета государственной власти и правоохранительных органов. Первоочередной задачей в сфере борьбы с преступностью является развитие нормативно-правовой базы, призванной защищать права и законные интересы граждан, общества и государства. Государственная политика в данной сфере должна ориентироваться на последовательное наращивание усилий общества и государства, приоритет профилактики по отношению к уголовным и административным мерам ответственности.

В настоящее время федеральное законодательство не содержит полноценной системы мер противодействия преступности, да и нормативное обеспечение деятельности полиции с преступностью не завершено, что препятствует их эффективной работе.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ: ред. от 06.07.2016. // Консультант Плюс.
2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 сентября 2012 г. // Российская газета. – № 227 от 03.10.2012 года, С. 34
3. Федеральный закон «О полиции» от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] -URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.И. Радченко; под ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – 2-е изд., перераб. и доп. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] - URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и др. М.: Проспект, 2012. с 552.
6. Борисов С.В., Дмитренко А.П., Русскевич Е.А., Дайшутов М.М. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2012. 192 с.

Скибенко Я. Г.
ФГБУ ВПО РГЭУ (РИНХ)

УДК 34.07

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ И ДОГОВОРА ПОДРЯДА

На сегодняшний день договорные обязательства являются важнейшим компонентом правовой деятельности общества, охватывающие все стороны финансово-хозяйственной деятельности.

Каждый вид договора имеет свою сферу, признаки и предмет регулирования.

Не смотря на множество критериев разграничения, на практике наблюдается множество договорных сходств, которых довольно трудно разграничить. Одним из таких примеров является смежность договора оказания услуг и договора подряда.

По общему правилу гражданский кодекс трактует договор подряда как договор в котором одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. Что же касается договора возмездного оказания услуг, то это договор, в силу которого исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги [1, 379].

Таким образом, на первый взгляд мы видим, что главным разграничением представленных договоров является то, что первый указывает на «работы», а второй — на «услуги». Следует заметить, что типы представленных договоров были известны в римском праве. Римское право в составе договоров различало в частности «найм работ» и «найм услуг» [2, 207]. В германском гражданском уложении в составе раздела «отдельные виды обязательств». Наряду с договором подряда, были урегулированы и трудовые договоры.

В российской цивилистике в отношении разграничении данных договоров вопрос стоит не однозначно. Так в ГК 1922 и 1964 годах выделение договора оказания услуг не произошло. В современном же законодательстве мы видим обширную дифференциацию. В отдельный договор выделен и подряд, и оказание услуг, более того, возмездное оказание услуг подверглось большему расщеплению. В связи со своей практической значимостью, мы видим вполне самостоятельные договоры перевозки, страхования, хранения, банковского вклада и другие.

Большую взаимосвязь представляет именно договор подряда и возмездного оказания услуг. Такое смежение отражено в ст. 783 ГК, а именно: «общие положения о подряде и положения о бытовом подряде применяется к договору возмездного оказания услуг».

На сегодняшний день в науке представлены различные подходы и критерии разграничения данных договоров. Безусловно, для более правильного разграничения необходимо установить предмет регулирования.

Одни авторы утверждают, что предметом договора подряда является не только работа или результат работы, но также услуги. Другие авторы, наоборот, расширяют объем понятия «услуги» как предмет обязательства. По данному мнению, обязательство по оказанию услуг могут иметь место, когда выполняются работы (договор подряда) и оказываются услуги.

По мнению других авторов, услуга — это деятельность, направленная на создание удобств или льгот контрагенту по обязательственному отношению.

Третья группа авторов признают услуги предметом договорных обязательств по оказанию услуг. Под услугами ими понимается благо, получаемое кредитором в связи с действиями должника или деятельность должника не имеющая материального результата [3, 347].

Таким образом, мы видим полные разночтения в отношении предмета действия договоров. На сегодняшний день, безусловно, предпочтение отдается третьему подходу. Именно отсутствие овеществленного результата и стало важнейшим критерием разграничением работ от услуг.

Так, по мнению Алексева С. С. сущность договора возмездного оказания услуг выражается: в не материальном характере действий (деятельности) по оказанию услуг; в неотделимости услуги от личности услугодателя [4, 108].

Наиболее полное и точное отличие оказание услуг от работ отражено в работах Е. Д. Шешенина. Согласно его мнению нельзя отождествлять сферу обслуживания со сферой услуги, так же как нельзя считать, что все услуги однородны по своей экономической сущности. Услуга, при которой результаты деятельности воплощаются в товарах (вещах) — это работы по изготовлению и ремонту одежды, обуви и т. д. Услуги же, где результаты деятельности не существует отдельно от исполнителей и не являются товарами, относятся, так называемые личные услуги, когда удовлетворяются нужды самого человека, осуществляется его обслуживание (культурные услуги). Услуга первого рода является предметом подрядных договоров, а услуги второго рода — предмета договоров, порождающих обязательство по оказанию услуг [5, 156].

Следует заметить, что подобная конструкция деления находит свое отражение не только в гражданско-правовом регулировании, но и в налоговом. Так ст.28 НК относит к числу объектов налогообложения не только имущество, работы и услуги, относя к работам деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребности организации, а к услугам — деятельность, результаты которой не имеют материального выражения [6, 407].

По мнению представителей петербургской цивилистики помимо критерия «вещности» в результате обязательство по оказанию услуг имеют единую экономическую природу с творческими отношениями. Деятельность актеров, врача, адвоката обладают единой экономической сущностью — это деятельность по оказанию услуг. Разграничение же в этих отношениях проводится по наличию или отсутствию в деятельности исполнителя творческого характера [7, 635].

Анализируя представленные критерии разграничения можно прийти к мнению, что по общему правилу они верны, но не универсальны.

По точному замечанию М. И. Брагинского и В. В. Витрянского возможны такие виды услуг, в которых результат становится неотъемлемой частью соответствующих действий как таковых. Таким примером является оказание аудиторских услуг. Целью аудиторской проверки является «выражение мнений о достоверности такой финансовой (бухгалтерской отчетности)». По завершению проверки составляется аудиторское заключение, выраженной в официальной письменной форме [8, 41].

Следует заметить, что подобный пример является не единичным. Так в некоторых случаях оказание адвокатской услуги также может иметь овеществленную форму (письменное консультирование, составление исковых заявлений).

Таким образом, мы видим в роде бы прямо указанный законом договор возмездного оказания услуг, но с овеществленным результатом. В результате чего критерий «вещественности» в данном случае отпадает.

В отношении критерия «творческого характера» так же наблюдается определенная неясность. Безусловно, при оказании услуги, исполнитель проявляет свои профессионально-творческие качества, к примеру, при создании модельной прически, но подобные качества встречаются и при выполнении подрядных работ. Так при строительстве какого-либо объекта исполнитель вправе изобразить художественную фреску, либо орнамент. Отсюда следует, что помимо технических работ присутствуют элементы творчества.

Таким образом, можно усомниться в правильности разграничения представленных обязательств. Выработанные наукой критерии являются приемлемыми не ко всем видам отношений.

Следует предположить, что для более правильного разграничения работ и услуг необходимо конкретизировать ст. 779 ГК РФ, с целью установления конкретного перечня

возмездных оказаний услуг. Цивилистической науке предстоит либо выделить более универсальные критерия деления, либо на основе существующих более тщательно проанализировать представленные законом возмездные услуги, для их выделения из данного разряда, с целью более правильного правового регулирования.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ. Часть 2 // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301 (с изм. и доп.).
2. Брагинский М. И., Ветрянский В. В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Издание дополненное, исправленное. – М.: Статут, 2004. – 359 с.
3. Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг // Сборник ученых трудов. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 403 с.
4. Гражданское право. Под ред. Алексева С.С. – М.: Статут, 2010. – 471 с.
5. Шешенин Е. Д. Классификация по оказанию услуг// Антология уральской цивилистики. Сборник статей. – М.: Юрид. лит-ра, 2001. – 356 с.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. N 146-ФЗ. Часть 1 // Собрание законодательства РФ. 1999. N 26. Ст. 2156 (с изм. и доп.).
7. Гражданское право. В 3-х томах. Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. Том 2. 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2005. – 848 с.
8. Полтавский И. А. Некоторые проблемы соотношения договора оказания услуг с договором подряда // Государство и право: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. — С. 40-49.

Соловьева Л.С.

Кандидат философских наук, Волгоградский государственный университет
lyubov.di@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ СВОБОДЫ

В современном обществе «свобода» предстает перед нами в самых разных обличьях, выступая, как свобода политическая или экономическая, свобода слова или свобода совести, распадается на «гражданские свободы» или оборачивается произволом. В самом широком смысле слова свобода может трактоваться как полное отсутствие ограничений, независимость от внешнего вмешательства и принуждения. Применительно же к человеку это понятие приобретает особую специфику, суть которой заключается в неразрывной, теснейшей взаимосвязи свободы и разума. Эта идея является точкой соприкосновения самых различных философских систем, подходов и воззрений от античности до наших дней.

Мы можем обозначить два возможных подхода к дефиниции свободы: отрицательный (свобода как отсутствие запрета, ограничений, «зависимости какой-либо деятельности или деятеля от какого-либо условия» [5, 485]) и положительный (свобода как возможность и способность к самоопределению в решениях и действиях). *Отрицательные* определения свободы касаются устремления к свободе *от* всевозможных уз, стеснений, преград, ограничений, насилия, посягательств на естественные права личности и т. п. В данном случае понятие свободы очерчивается через отрицание того, с чем она не согласуется, но не в собственном своем существе. Положительные определения свободы содержат прямые указания на ее собственную сущность. Отметим, что в первом случае часто используется понятие «свобода от», во втором – «свобода для».

Говоря о свободе человека, важно понимать, что абсолютно полной она не может быть никогда. Такая свобода – «скорее мысленный эксперимент, нежели практический опыт» [1, 71], поскольку абсолютно свободен лишь тот, кто способен ставить и достигать любые цели, неограничен в исполнении своих желаний ничем вообще. Но это доступно только сверхсуществу, Богу. У человека «нет Свободы, есть свободы» [3, 61]. Для конкретной личности свобода всегда относительна, т.е. возможна только в отношении чего-то (кого-то) другого. Сбежав на необитаемый остров, мы освобождаемся от влияния общества, но попадаем в еще большую зависимость от природы; взойдя на борт авиалайнера, мы преодолеваем силы природы, но подчиняемся воле пилота.

Относительность свободы определяется рядом факторов:

во-первых, тем, что в конкретной ситуации свобода одного человека неизменно сталкивается, взаимодействует со свободами других людей;

во-вторых, тем, что один и тот же человек в своей жизни и деятельности оказывается свободным в одних действиях и несвободным в других;

в-третьих, тем, что, «даже будучи полностью свободным, ни один субъект не имеет твердых социальных гарантий сохранения этой свободы и потому постоянно должен бороться за нее, чувствуя непрочность, условность своего положения» [2, 12].

Двойственную трактовку свободы, как свободы *от* и свободы *для*, используют многие авторы, но подходы их к ней различны. Так, С.А. Левицкий, признавая существование двух свобод, рассматривал их в этическом плане. «Есть две свободы: положительная и отрицательная – свобода следования эгоистическим мотивам и эгоцентристского «заявления своеволия», с одной стороны, и свобода ответственного служения высшим нравственным ценностям – с другой. Отрицательная свобода есть свобода «от», положительная – свобода «для» [4, 329]. В этом случае отрицательная свобода фактически есть произвол. Она осуществляется в актах своеволия, сиюминутных капризах, нивелирующих абсолютные ценности, а ее абсолютизация, в конечном итоге, ведет к распаду личности. В то же время такая свобода – свобода произвола – служит основанием, питательной средой для реализации свободы положительной. По мысли С.А.

Левицкого, «отношение между отрицательной и положительной свободой можно выразить в формуле: положительная свобода осуществима через возможность свободы отрицательной (произвола)» [4, 197]. Иными словами, положительная, или моральная, свобода предполагает не полное и окончательное уничтожение произвола, а его преобразование, сублимацию.

На наш взгляд, применительно к человеческой личности отрицательная и положительная свободы представляют собой ступени в свободном развитии духа и не могут быть в равной мере реализованы одновременно. Но именно положительная свобода, предполагающая добровольное самоограничение произвола и направленность на сверхлические ценности, является подлинной, принадлежащей сущности человеческой личности.

Своеобразный синтез существующих подходов к определению типов и форм свободы предложила Н.Ф. Рахманкулова, выделяющая 1) *внешнюю отрицательную свободу-произвол*, 2) *внешнюю отрицательную свободу-самоограничение*, 3) *внешнюю и внутреннюю отрицательную свободу-самоограничение*, 4) *положительную свободу* [6]. Рассмотрим их подробнее.

Внешняя отрицательная свобода-произвол представляет собой полную независимость от внешнего принуждения в сочетании с произвольным насильственным подчинением себе других. Зачастую такая свобода предстает как всеразрушающее своеволие, сметающее любые преграды на пути достижения человеческих стремлений. Фактически данный вид свободы есть свобода творить зло. Ценность такой свободы незначительна, поскольку ее разрушительный эффект в конечном итоге может обернуться против самого человека. Тем не менее, именно с нее начинается утверждение значимости индивидуальной независимости и самостоятельности человека.

Второй вид свободы, сохраняя внешний отрицательный характер, теряет черты произвола и приобретает совместимость со справедливостью по отношению к другому человеку. Если в первом случае другой рассматривается прежде всего как внешняя помеха для реализации моих целей, подлежащая устранению, то теперь он воспринимается как средство для их достижения. Для успеха такой позиции требуется признание определенного равенства в отношении свободы между мной и другим человеком, а это, в свою очередь, предполагает некоторое самоограничение. Однако такое самоограничение свободы не является самостоятельным нравственным выбором человека. Скорее оно продиктовано внешними обстоятельствами, необходимостью самосохранения и обеспечивается силой закона. Таким образом, внешняя отрицательная свобода-самоограничение сохраняется как индивидуальная независимость, но при этом связывается с вынужденным самоограничением.

Когда самоограничение свободы совершается под действием не только внешнего (юридического), но и внутреннего (морального) закона, оно приобретает нравственный смысл. В этом случае следует говорить о таком виде свободы как внешняя и внутренняя отрицательная свобода-самоограничение, вбирающем в себя достижения первых двух. Такая свобода есть не только внешняя, но и внутренняя индивидуальная независимость, отсутствие, как внешнего принуждения, так и противоречащих моральным требованиям устремлений. Появление наряду с внешней свободой (свободой действия) внутренней свободы (свободы воли) является характерной чертой этого вида свободы. Внутренняя свобода здесь предстает как нравственная воля, направленная к добру, правда, выполняющая отрицательную задачу – освобождение как себя, так и других от неблагого и недолжного.

Таким образом все три рассмотренных вида свободы представляют собой модификации отрицательной свободы (свободы от).

Четвертый вид – положительная свобода (свобода для) – включает в себя внутреннюю и внешнюю. В этом случае пространство свободы расширяется. Происходит

это благодаря тому, что человек выбирает и осуществляет безусловно благие цели исключительно ради них самих, не по принуждению, а по внутреннему убеждению. Более того, в данном случае самостоятельность заключается не просто в отказе и независимости от чуждого, но и в выборе целей, в котором предпочтение отдается более ценному (внутренняя положительная свобода) и в их осуществлении, расширяющем область наличного блага (внешняя положительная свобода). Она ориентирована на внешнее преобразование – расширение сферы блага личными усилиями. Это предполагает не просто отказ от неблагих средств, требующихся для достижения благих целей (отрицательная свобода), но и изменение обстоятельств таким образом, чтобы средства стали благими (положительная свобода). Например, человек не просто отказывается от пагубных пристрастий, но и создает условия для укрепления здоровья.

Итак, можно резюмировать, что квинтэссенция положительной свободы – самоопределение личности в направлении к благу как таковому.

При дефиниции свободы важно определение ее не только как способности, но и как возможности человека к действиям в определенных обстоятельствах. Зачастую одних способностей оказывается недостаточно для осуществления свободы. Кроме них необходимы и соответствующие условия, поэтому «более широкая категория “возможность” в данном случае принципиально точнее: она содержит указание не только на субъективные свойства действия, но и на объективные обстоятельства, в которых ему приходится действовать. Тем самым открывается путь для выявления разного рода “внутренних” и “внешних” ресурсов свободы» [2, 7].

Итак, резюмируя все вышесказанное, мы предлагаем следующее определение свободы: свобода есть способность и возможность человека актуализировать свои духовные и физические потенции в рамках правовых и нравственных норм.

При этом мы полагаем, что свобода не может быть однозначно определена как отрицательное или положительное понятие. С одной стороны, она предполагает независимость человека от других деятелей. С другой – свобода включает в себе идею деятеля, способного быть автором автономных действий, и зависимого только от самого себя.

Рассмотренные нами варианты типологии форм свободы отражают их существующее многообразие. Причем данная типологизация всегда может быть продолжена и расширена. Мы связываем это с тем, что человеку свойственно стремление к расширению границ свободы, к обретению новых возможностей для ее реализации. С какими бы трудностями не было сопряжено ее осуществление, все-таки человек стремится не только сохранить имеющуюся свободу, но и приумножить.

Библиографический список:

- 1) Бауман, З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 130 с.
- 2) Грушин, Б. А. Возможность и перспективы свободы (10 полемических вопросов и ответов) // Вопросы философии. – 1988. – № 5. – С. 3–18.
- 3) Левин, Г. Д. Свобода и покинутость. Методологический анализ // Вопросы философии. – 1997. – № 1. – С. 56–68.
- 4) Левицкий, С. А. Трагедия свободы. – М.: Канон, 1995. – 512 с.
- 5) Лосский, Н. О. Свобода воли // Лосский Н. О. Избранное. – М.: Издательство «Правда», 1991. – С. 481–597.
- 6) Рахманкулова, Н. Ф. Моя свобода и свобода другого // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2003. – № 6. – С. 68–81.

Касулина В.В.

Ассистент кафедры гражданского права и процесса АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»

УДК 346.12

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОКУПКИ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

В юридической литературе существуют дискуссии по вопросу осуществления участниками хозяйственных обществ преимущественного права приобретения долей, отчуждаемых другими участниками в пользу третьих лиц.

Гражданским кодексом Российской Федерации закреплено деление преимущественных прав на две группы:

- преимущественное право покупки, при отчуждении участником общества своей доли третьим лицам;
- преимущественное право покупки дополнительно выпускаемых акций.

Данные преимущественные права определены наличием у лица статуса участника общества. Благодаря преимущественному праву покупки, у участников хозяйственного общества имеется возможность не допускать третьих лиц к владению и распоряжению обществом и участию в нем, а также возможность прекращения права общей собственности [4, С. 59].

Описанные выше преимущественные права регулируются Гражданским кодексом и корпоративным законодательством, к которому относится Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федерального закона «Об акционерных обществах».

В статье 250 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что при продаже доли в праве общей собственности третьему лицу остальные участники обладают преимущественным правом покупки. Статья 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» также закрепляет, что участники общества обладают преимущественным правом покупки доли или ее части доли по цене предложенной третьему лицу или по отличной от цены предложенной третьему лицу и заранее определенной уставом общества цене. Статья 7 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривает наличие преимущественного права приобретения акций акционерами, которые отчуждаются третьему лицу, если данное право закреплено уставом общества.

Важно отметить, что выделяется несколько точек зрения относительно вопроса о природе преимущественного права.

И.А. Покровский относил преимущественное право покупки к подвиду вещных прав на чужую вещь, сущностью которых является создание юридической связи между лицом и вещью [6, С. 105].

Данного мнения придерживается и Е.А. Суханов. Он указывает на то, что в классическом понимании право преимущественной покупки относится к группе прав приобретения чужой вещи и является ограниченным вещным правом [7, С. 183].

Иной точки зрения придерживается К.И. Скловский и М. Смирнова. Они считают, что право преимущественной покупки является правом, которое обеспечивает определенным лицам привилегию на приобретение имущества, и характеризуется как обязательственное право [5, С. 31].

Можно прийти к выводу, что преимущественными правами являются относительные субъективные гражданские права, которые предоставляют их носителю право требовать совершения чужих действий и действовать по собственному усмотрению, и которые являются преимущественными перед такими же возможностями третьих лиц.

Другим вопросом, по поводу которого нет единого мнения, является содержание преимущественного права. Ученые отмечают особый характер преимущественного права, которое берет свое начало из обязательственного права. С возникновением преимущественного права появляются две группы субъектов правоотношения:

- наделенные правом требовать от контрагента конкретного поведения;
- наделенные обязанностью действовать с учетом привилегии стороны, которая имеет преимущественное право покупки.

В рамках корпоративного права понимание преимущественного права покупки возникает из вещного права. В рамках данной теории предметом правоотношений является привилегированное право требования одного участника к другому о передаче доли.

Еще одним вопросом, по поводу которого у ученых возникают дискуссии, является мнение, в соответствии с которым преимущественное право возникает только в случаях, определенных в законе, а возникновение такого права из договора не может иметь место.

Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что отсутствует прямая норма, устанавливающая запрет на заключение соглашения об установлении преимущественного права, в силу чего преимущественное право покупки может быть установлено соглашением сторон в соответствии со статьей 421 Гражданского кодекса Российской Федерации. Но в таком случае, при нарушении данного права, требования, содержащиеся в статье 250 Гражданского кодекса Российской Федерации, не могут быть предъявлены. Сторона соглашения, предусматривающего преимущественное право покупки, может требовать лишь возмещение убытков, которые были причинены при нарушении этого права на основании пункта 4 статьи 445 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Другие ученые, ссылаются на часть 3 статьи 7 Федерального закона Российской Федерации «Об акционерных обществах», в соответствии с которой преимущественное право покупки может быть предусмотрено уставом публичного или непубличного общества.

Однако, часть 5 статьи 97 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляет, что преимущественное право покупки акций публичного акционерного общества не предоставляется никому, за исключением случая такой покупки в целях увеличения уставного капитала.

Анализируя мнения ученых, можно сделать вывод, что большинство из них придерживается точки зрения, которая закрепляет возникновение преимущественного права покупки только лишь на основаниях, предусмотренных законом, а возникновение такого права из договора не возможно.

В отношении преимущественного права покупки в хозяйственном обществе и по сей день возникают другие дискуссионные вопросы, которые требуют детального рассмотрения и анализа.

Библиографический список:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (с измен. от 31.01.2016 г.) // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Федеральный закон Российской Федерации "Об акционерных обществах" от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (с измен. от 29.06.2015 г.) // СЗ РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 11.
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (с измен. от 29.12.2015г.) // СЗ РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 785.
4. *Кубарь И.И.* Договорные преимущественные права в гражданском праве России // Журнал российского права. - № 10. - 2012.
5. *Скловский К.И. Смирнова М.* Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве. // Хозяйство и право. - № 10. - 2013.

6. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут. - 2014. - 351 с.
7. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут. – 2014. - 456 с.

Климова М.И.

преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России
klimova_m_83@mail.ru

УДК 321.7

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ОСНОВЫ ТЕОРИИ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

На сегодняшний день различные формы непосредственной демократии более-менее полно исследованы учеными практически всех стран мира, однако сегодня наука не обладает единым и общепризнанным определением и классификацией форм непосредственного народовластия. Тот или иной взгляд исследователей варьируется в зависимости от того на, что делается акцент: понятие, организация и проведение местных выборов; субъективное право граждан принимать участие в управлении государственными делами в местном самоуправлении; акты прямого народовластия и референдумы; гарантии местного самоуправления и т.д.

Изначально концепция непосредственной демократии, предложенная Ж.-Ж. Руссо, представляла собой некую идею об общем суверенитете, когда бы воля всех, обеспечивающая частные интересы, подчинялась общей воле народа. В контексте теоретического построения Ж.-Ж. Руссо суверенитет представляет собой необходимое условие осуществления непосредственной демократии, который не может быть отчуждаем. При этом воля народа, по его мнению, не может быть представлена народными депутатами [8, 209]. Схожей точки зрения придерживались также Л.Дюги, Б.Спиноза, А.де Токвиль и др.

В частности, Токвиль понимал под демократией такой общественный строй, который противоположен феодальному и не знает границ (сословных или предписываемых обычаями) между высшими и низшими классами общества, сердцевинной которой является фундаментальный принцип равенства и свободы. Иными словами, в рамках данной концепции непосредственной демократии воля народа и государственная власть, власть местного сообщества, должны быть идентичными по своей сути, при этом народ должен непосредственно сам участвовать в осуществлении как государственной, так и общественной власти.

В научно-исследовательской сфере существуют различные подходы к интерпретации категории «непосредственная демократия». Так, в науке конституционного права непосредственная демократия рассматривается как институт прямого волеизъявления граждан при выработке и принятии государственных решений на основе конкретного и непосредственного их участия в осуществлении власти (Н.П. Фарберов, Г.Х. Шахназаров, В.Т. Кабышев). Кроме того, данный институт в научной литературе рассматривается либо в тесной взаимосвязи с механизмом народовластия, либо эти два понятия зачастую оказываются тождественными [7; 12, 9; 13, 137].

С учетом исследовательских задач поставленных нами в данной статье считаем необходимым обратить внимание на мнение профессора С.А. Авакьяна, которого в свою очередь цитирует украинский исследователь конституционалист Погорилко В.Ф. [10]: профессор С.А. Авакьян, в зависимости от последствий волеизъявления народа, выделяет императивные, консультативные и смешанные институты непосредственной демократии. Императивные институты непосредственной демократии (выражение воли народа имеет обязательный и окончательный характер) и к ним относятся: императивный референдум; выборы депутатов и должностных лиц; отзыв народом (избирателями) своих представителей. «Наличие, набор и степень императивности» институтов непосредственной демократии в значительной степени, - резюмирует С.А. Авакьян, - зависят от характера политической системы и концепции власти в соответствующем государстве. Институты непосредственной демократии свойственны не любой

национальной системе конституционного права - то, что существует в одной стране, может отсутствовать в другой вообще или на каких-либо уровнях, например, далеко не во всех странах проводятся общегосударственные референдумы (их нет в Соединенных Штатах Америки, Федеративной Республике Германия)»[1].

Тот же Погорилко В.Ф. в своей работе посвященной конституционному праву Украины, отмечает, что в современной конституционно-правовой практике кроме таких «традиционных» и широко применяемых форм непосредственной демократии как: референдумы, выборы и обращения (петиции), применяются также: плебисцит, народная законодательная инициатива, прекращение полномочий главы государства, народный выбор, народное вето, отзыв депутата и т.д.

В свою очередь ст. 3 Конституции РФ указывает, что носителем суверенитета и одновременно единственным источником власти в РФ является «многонациональный народ», который осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления, а выражает ее через референдум и свободные выборы. А ст. 130 Конституции РФ гласит, что граждане РФ осуществляют местное самоуправление посредством участия в местных референдумах, муниципальных выборах, посредством иных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и иные органы местного самоуправления.

Согласно мнению немецкого исследователя Бёкенфёрде Е.В., основной задачей демократии является согласование принципа индивидуальной свободы и самоопределения с существованием политического господства, господства и подчинения, приказа и исполнения [3, 37]. Одной из наиболее распространенных и наиболее древних форм достижения указанного состояния согласованности является прямая демократия (или демократия собрания – «assembly democracy»), которая зародилась еще в древней Греции, и является характерной для небольших территорий [9]. Она не может действовать постоянно и применяется, как правило, для решения местных проблем. В рамках такой модели большинство взрослого населения городов и мелких населенных пунктов на своих собраниях принимает решения по текущим вопросам самоуправления.

В последнее время разрабатываются концепции, призванные вывести прямое участие граждан на уровень принятия общегосударственных политических решений. В специальной литературе они получили названия «демократии участия» (participatory democracy), а также «сильной демократии» (strong democracy). Один из соавторов этих понятий американский политолог Б. Барбер отмечает, что «прямая демократия» базируется не только на участии, но и на теоретической подготовке и общественной благотворительности, а потому «демократию участия» следует понимать как «прямое правления образованных граждан» [14]. Сторонники таких теорий в качестве методов достижения прямой демократии на общенациональном уровне предлагают использовать средства массовой коммуникации, а также электронную почту, обсуждения и дебаты при участии как можно большего количества граждан. С недавних времен распространяется точка зрения, что современная степень развитости политических коммуникаций, предоставляя каждому отдельному гражданину беспрецедентные условия для доступа к информации и средствам выражения индивидуальной политической воли, «на техническом уровне делает возможным возвращение от представительских форм демократии к прямой, причем, в любом размере, вплоть до мирового» [11, 42; 15, 11-13].

К положительным чертам «демократии участия» в первую очередь следует отнести непосредственное воплощение принципа народовластия и преодоления или, по крайней мере смягчение рецидивов политической индифферентности и абсентеизма, что сопровождают систему представительства. При условии задействования прямой демократии участники политического процесса чувствуют свою причастность к решению политических проблем, становятся действенными субъектами политического процесса. На уровне поверхностных ощущений это не может не импонировать широкой публике.

Следовательно, достигается цель политической мобилизации максимально возможного количества членов общества. Кроме того, таким средством достигается высокая степень политической легитимации. Вместе с тем, прямой демократии присущи некоторые существенные недостатки и противоречия. В первую очередь они заключаются в физической невозможности обеспечения участия всех (или, по крайней мере, подавляющего большинства) граждан в форумах, где бы решались политические дела. Кстати, большинство граждан не имеет для этого ни достаточного времени, ни должной информированности, ни компетентности [5, 16-17].

Не является секретом, что выборные представители имеют больший уровень компетентности. Он особенно важен для принятия решений в условиях функционирования сложного современного общества. А мощная мобилизация политического участия сопровождается такими проблемами, которые даже доминируют над положительными качествами. В частности, такая стимуляция политического процесса, в отличие от автономного участия и автономной артикуляции общественных интересов, несет угрозу подавления или искажения свободных политических предпочтений индивидов. Так например, английский исследователь Дж. Актон, высказывает в своей работе, следующие предостережения: «Изложенный ими урок (в данном случае речь шла об афинской демократии) сохранится на все времена, ведь он учит, что правление всего народа, будучи правлением наиболее численного и могущественного класса, является злом такого же сорта, как и неограниченная монархия. По этой причине народ должен быть заинтересован в появлении институтов, призванных защищать его от себя самого и утверждать постоянную власть закона» [2, 112]. Еще один вывод, что лежит на поверхности: «Прямое законодательство умаляет значение выборных представительных учреждений» [4, 116]. А когда легислатура теряет власть, одновременно она теряет и уважение народа, что может привести к резкому дисбалансу в системе власти, и кризису власти. Кроме того, прямая демократия если не делает невозможным, то в значительной степени умаляет степень достижения компромисса между сторонниками разных позиций.

Поэтому следует весьма осторожно относиться к постулатам относительно преимуществ «современенной» прямой демократии, ее функционального доминирования над демократией представительной. На сегодня никто еще не поставил под сомнение целесообразность разработанных немецким социологом М. Вебером условий, необходимых для реализации принципов прямой демократии: сфера применения (сообщество) должна быть локальной и в той или иной степени ограничивающим количество членов, их социальные запросы не должны иметь существенных различий, а пути и средства реализации запросов - чрезмерных осложнений [6, 106-107]. Кстати, характер функционирования прямой демократии побуждает выделение из числа участников собраний наиболее подготовленную группу, эти активные участники собрания, также «становятся по сути представителями других» [6, 106-107]. Следовательно, и в данном случае мы выходим на модель представительства.

Подытоживая сказанное, можно сделать следующее заключение: все формы непосредственной демократии способствуют активизации политической жизни любой страны. Удельный вес и значение каждой из названных форм непосредственной демократии разные и зависят от многих исторических, национальных, политических и других обстоятельств, которые наиболее характерны для каждого общества.

Библиографический список:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т. 1. / С. А. Авакьян. – М.: Юрист, 2006. – С. 364.
2. Актон Дж. История свободы в античности // Полис. — 1993. — № 3.
3. Бёкенфёрде Е.В. Демократия как конституционный принцип // Государственное право Германии. - М., 1994.

4. Васильев В.И. Прямая демократия: опыт Калифорнии // Государство и право. — 1994. — № 1.
5. Грачев Н.И., Тихонов А.А. Основы конституционного строя как общеправовые принципы//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. - 2013. № 1 (18). С. 131.
6. Даль Р. О демократии: Пер. с англ. — М., 2000.
7. Кабышев В.Т. Прямое народовластие в Советском государстве. Саратов, 1974.
8. Нерсеянц В.С. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсеянца. - М., 2000.
9. Оськина И.Ю., Лупу А.А. История государства и права зарубежных стран. Учебное пособие: конспект лекций. – М.: Проспект, 2011. Электронно-библиотечная система IPRbooks: <http://www.iprbookshop.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava-zarubezhnyix-stran.-konspekt-lekcij.html>
10. Погорилко В. Ф. Конституционное право Украины : учеб. / В. Ф. Погорилко, В. Л. Федоренко, за общ. ред. проф. В. Л. Федоренко. – К. : КНТ, Лира-К, 2011. – 532 с.
11. Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе / С.Н. Пшизова // Полис. — 2000. — № 2.
12. Фарберов Н.П. Демократия развитого социалистического общества / Н.П. Фарберов. - М.: 1975.
13. Шахназаров Г.Х. Социалистическая демократия / Г.Х. Шахназаров. - М.: 1974.
14. Barber P.V. Participatory Democracy / P.V. Barber // Encyclopedia of Democracy. — N.Y., 1995. — V. 3
15. Budge I. The New Challenge of Direct Democracy. — Cambridge, 1996. — P. 11 – 13.

Жезлов Н.В.

Курсант юридического факультета Академии права и управления

УДК 34.07

О ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Конституция РФ[1] в п. 1 ст. 1 провозглашает Российскую Федерацию в качестве демократического правового государства, но необходимо заметить, что называть Россию правовым государством с абсолютной уверенностью, даже на настоящий момент, пока будет неправильным. Правильнее будет сказать, что наша страна находится на пути построения правового государства, так как все характеристики, свойственные данной организации политической власти, нашему государству в полной мере еще не присущи.

Среди таковых признаков, например, Л. П. Расказов и другие значительные ученые-правоведы называют наличие гражданского общества и осуществление контроля с его стороны за выполнением законов всеми субъектами права, т.е. установление правового государства непосредственно предполагает наличие верно функционирующего механизма общественного контроля за всеми сферами, где, в частности, осуществляется государственно-властные полномочия[2, с. 77]. Отсюда следует, что все правовые отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в правовом государстве должно быть возможным подвергнуть общественному контролю со стороны независимых от государства организаций, входящих в структуру гражданского общества.

Уголовно-исполнительная система (далее – УИС) со своими учреждениями и органами входит в систему органов исполнительной власти. Осуществляя функцию исполнения судебных решений, на них также лежит бремя обеспечения прав и свобод человека и гражданина, предупреждения правонарушений в местах лишения свободы и многое другое. За органами и учреждениями, исполняющими наказания, также осуществляется общественный контроль в сфере соблюдения ими законности при осуществлении своей отличающейся некоторой спецификой деятельности.

Точки зрения на понимание понятия «общественный контроль» среди различных авторов имеют некоторые расхождения, однако, так или иначе, все подразумевают под этим деятельность институтов гражданского общества и отдельных граждан. Но, так как в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3] дается определение данного понятия, я намерен опираться исключительно на него. Ст. 4 вышеназванного федерального закона устанавливает в качестве общественного контроля «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений».

Итак, общественный контроль направлен на то, чтобы обеспечить эффективность государственного правления, и является приоритетным направлением активности гражданского общества.

Будет закономерным вывод о том, что если формирование гражданского общества в России сталкивается с рядом препятствий, то осложнения испытывают и его институты в процессе своего функционирования. Проблемы не обходят стороной и общественный контроль за местами лишения свободы.

В контексте рассматриваемой темы важнейшее место занимает беспрецедентный для российского законодательства Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»[4]. Данный закон является значительным результатом нормотворческой деятельности российского правозащитного движения и отечественных юристов, занимающихся проблемами обеспечения прав человека в местах лишения свободы. Он консолидировал важнейшие нормы, разбросанные по различным нормативным актам, и фактически законодательно закрепил существование специализированного органа общественного контроля за органами и учреждениями, исполняющими наказание в виде лишения свободы.

Итак, перейдем к рассмотрению основных проблем. Но необходимо заметить, что наличие проблем в институте общественного контроля неизбежно, так как он, как и само гражданское общество, является новым и неизведанным политико-правовым явлением для современного российского государства.

Слабая разработанность и малый практический опыт. Надо признать, что фактически российское государство за всю свою многовековую историю не знало как самого института гражданского общества в чистом виде, так и общественного контроля над органами государственной власти в его абсолютном и неусеченном виде. Отсутствие отечественного, даже большой давности, опыта чинит серьезные препятствия к нормальному функционированию рассматриваемой системы. Как отметил Президент России В.В. Путин в процессе выступления 12 декабря 2013 года в рамках Послания Федеральному Собранию: «Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение»[5]. В данном случае необходимо прислушаться к словам главы нашего государства и наращивать практический опыт.

Низкая вовлеченность широких масс населения в осуществление общественного контроля. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ лишь 1% населения Российской Федерации принимает участие в деятельности различных некоммерческих объединений[6]. А теперь представьте, насколько мала доля участников правозащитных объединений, тем более в области исполнения уголовных наказаний, при том, что большинство от этого процента входят в такие некоммерческие объединения, как профсоюзы и садовые или дачные товарищества. Важную роль здесь играет доверие населения к органам власти. Так, согласно статистическим данным, содержащимся в Концепции общественного контроля в России, разработанной Рабочей группой по совершенствованию общественного контроля в России Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого правительства, лишь 18% граждан России проявляют доверие к институтам власти[7]. Граждане не доверяют органам государственной власти и не видят смысла в том, чтобы принимать участие в осуществлении общественного контроля, считая, что такая социальная активность значения не имеет.

Узкий круг субъектов контроля. Чтобы определить круг субъектов, осуществляющих общественный контроль необходимо обратиться к ст. 23 УИК РФ[8] и ст. 5 ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ № 76), согласно этим нормам таковыми являются:

- 1) общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК), образуемые в субъектах Российской Федерации;
- 2) члены ОНК.

Общественные объединения оказывают лишь содействие, т.е. деятельность, направленную на участие в чьих-нибудь делах, с целью помощи и поддержки[9, с. 743]. СМИ и журналисты никак не упоминаются. Следовательно, исходя из буквы закона, нормативно установлены только два субъекта общественного контроля. Также ОНК и их члены вправе посещать места принудительного содержания без специального на то разрешения. Хотя ОНК и являются достаточно эффективными и перспективными институтами, но они имеют ряд недостатков.

На настоящий момент ОНК функционируют в 79 субъектах РФ с общей численностью 1063 человека, т.е. 1063 человека должны осуществлять общественный контроль должным за исполнением наказаний в отношении более 670 тыс. осужденных[10, с. 149]. Помимо этого ОНК имеют следующие проблемы:

1) сложная процедура формирования состава ОНК (ст. 10 ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»). Такой порядок превращает комиссии в некие закрытые клубы, в которые крайне сложно попасть.

2) большое количество в составе ОНК бывших сотрудников правоохранительных органов, что может привести к сомнению в объективности их деятельности и мнению, что они отстаивают интересы коллег;

3) ограничивающий свободу действий членов ОНК Регламент. Так, правом направлять уведомления о планируемом посещении имеют только председатель и его заместители;

4) низкий процент участия экспертов и специалистов.

В качестве достаточно перспективного института стоит также выделить тюремных священнослужителей, деятельность которых сейчас привлекает большое внимание со стороны ученых-пенитенциаристов, однако они также не имеют никакого строго определенного правового статуса.

Обязательность общественного контроля. Требование наличия специального разрешения для того, чтобы члены общественных правозащитных объединений могли посетить пенитенциарные учреждения, позволяет администрациям иногда избегать проведения общественного контроля.

По нашему мнению, необходимо в ФЗ № 76 внести статью, которая устанавливала бы право на посещение мест принудительного содержания без специального разрешения членами общественных объединений, которые получили на это соответствующее разрешение (лицензию) от Общественной палаты РФ. Получить такое право могло только общероссийское, межрегиональное или региональное общественное объединение, имеющее государственную регистрацию, осуществляющее свою деятельность не менее пяти лет со дня его создания, уставной целью или направлением деятельности которого является защита или содействие защите прав и свобод человека и гражданина.

Круг проблем по данной тематике может не ограничиваться вышеназванным перечнем, изложены основные, выявленные мной и наиболее интересные мне проблемы, которые на настоящий момент, на мой взгляд имеют место быть в субституте общественного контроля за деятельностью УИС. Вышеизложенные положения указывают на несовершенство объекта исследования и на необходимость проведения с ним тщательной и скрупулезной работы по устранению наличествующих недостатков с целью приведения его к оптимальному функционированию в российских политико-правовых реалиях.

При наличии достаточного количества неоднозначных проблем и в субституте общественного контроля за деятельностью УИС необходимо искать пути их решения в теории и реализовывать их на практике с целью постановки предмета исследования на курс нормального функционирования и развития.

Наиболее первостепенным, очевидным и правильным решением целого ряда сложившихся недостатков рассматриваемой системы выступает обыкновенное увеличение практики осуществления социального контроля за местами принудительного содержания. Только повышение активности общественных объединений, ОНК, их членов и иных лиц может привести к нарастанию их эффективности. Надо признать, что этот способ не может сразу дать результат, однако по мере накопления опыта будет расти и КПД субъектов контроля. В силу того, что все проблемы упираются в отсутствие отечественного опыта организации деятельности такого непростого механизма. Только при получении первоначально и фундаментального опыта, возможно и отрицательного, можно говорить о построении дальнейшего алгоритма действий по решению крайне противоречивых вопросов.

Естественно, чтобы повысить эффективность субъектов общественного контроля нужно организовать привлечение большего числа граждан для осуществления проверочной деятельности органов и учреждений ФСИН России. При этом стоит использовать как можно более широкий круг способов, направленных на популяризацию общественного контроля и на просвещение граждан по вопросам этой сферы деятельности. В первую очередь, информационно-коммуникационные технологии, причем следует использовать самые широко потребляемые интернет-ресурсы. Нельзя при этом оставлять без внимания печатные издания, также способные в значительной мере воздействовать на повышение интереса граждан к осуществлению общественного контроля за местами принудительного содержания. Проблему вовлеченности в социальный контроль малой доли населения стоит чаще поднимать и активнее обсуждать на семинарах и конференциях, посвященных проблемам развития гражданского общества в России, правозащитных организаций, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и т.п.

Итак, общественный контроль за деятельностью УИС представляет собой сложный и многогранный механизм, которому еще предстоит долгое развитие до достижения своего оптимального или близкого к тому состояния, позволяющего ему правильно и плодотворно функционировать, обеспечивая тем самым социальную и государственную стабильность и законность.

Настоящий предмет исследования является лишь одним из составных элементов многоуровневой и сложноорганизованной системы гражданского общества, формирование которой в России стало важной темой обсуждения для известнейших ученых умов страны. И процесс этого формирования был, есть и будет неотрывно связан с развитием общественного контроля за государственными органами, как в целом, так и за уголовно-исполнительной системой в частности.

Российское государство ставит перед собой как одну из ведущих цель построения гражданского общества и правового государства в лучших традициях демократизма. Для достижения столь серьезной цели нужны усилия, средства и ресурсы, исходящие и от государства, и от общества, так как положительный результат данного строительства им обоюдно необходим и такая деятельность не допускает разрозненности при своей реализации между организацией политической и организацией общественной.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник [Текст] / Л. П. Рассказов. – М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 559 с.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 30. – Ст. 4213.

4. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ // Российская газета. – 2008. – № 4685.

5. Сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>.

6. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru>.

7. Открытое правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://grany-center.org>.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

10. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Текст]. – М.: Общественная палата Российской Федерации. 2014. – 184 с.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-9907998-4-4

Подписано в печать 27 июля 2016 г.

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2016